УДК 82-1

Мельникова Татьяна Валериевна

аспирантка кафедры современной отечественной литературы и критики Кубанского государственного университета tanjamel83@mail.ru

ОБРАЗЫ ПОЭТОВ-ВЕСТНИКОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ УНИВЕРСУМЕ Д. АНДРЕЕВА («РУССКИЕ БОГИ», «КРЕСТ ПОЭТА»)

Аннотация:
В статье рассматривается метаописательный элемент поэзии Д. Андреева, являющийся одним из доминантных тем творчества, в котором роль создателя поэтического текста формируется и индивидуализируется посредством понятий «вестничество», «пророчество», «миссия». Отмечается неоднозначность данных понятий в поэтическом универсуме Д. Андреева, в частности, в сборниках «Русские боги» и «Крест поэта», показана попытка автора вывести феномен вестничества в метафизику, за грань творчества, в пророчество и мессианство.

Ключевые слова:
Д. Андреев, метатекст, вестничество, пророчество, миссия.

Melnikova Tatiana Valeryevna

post-graduate student of the chair of modern Russian literature and critics, Kuban State University tanjamel83@mail.ru

IMAGES OF POETS-MESSENGERS IN POETIC UNIVERSUM OF D. ANDREEV (“RUSSIAN GODS”, “THE CROSS OF THE POET”)

The summary:
In the article the metadescriptive element of poetry of D. Andreev which is one of the proponent themes of the creativity in which the role of the founder of the poetic text is formed and individualized by means of the concepts “messengerism”, “prophecy”, “mission” is considered. The ambiguity of the given concepts of D. Andreev's poetic universum, in particular, in collections “Russian gods” and “The cross of the poet” is marked, the attempt of the author to deduce the phenomenon of messengerism in metaphysics, for a creativity side, in a prophecy and Messianizm is given.

Keywords:
D. Andreev, metatext, messengerism, prophecy, mission.

Изучение авторских высказываний о творческом методе, несомненно, приближает нас к постижению первоначального – авторского – кода. Еще А.А. Потебня отмечал, что «самый процесс поэтического творчества является необходимым для них самих и период развития и завершения поэтической деятельности наступает вместе с завершением их собственного развития» [1, с. 229]. Изучение «признаний» художников слова, собственно авторского понимания своего и чужого творчества проводится в русле метапоэтического анализа, когда после подробного исследования авторского взгляда на «чужой» художественный текст становится возможным адекватное изучение поэтической системы в целом.

В лирике Даниила Андреева важную роль играет метаописательный элемент – художественный и речевой дискурс, в котором «содержится рефлексия над собственными и “чужими” текстами» [2, с. 13]. Литература представляется ему главным «способом познания иных реальностей и метаисторического смысла событий» [3, с. 317] и поэтому Андреев стремится к постижению роли автора и «механизма» создания произведения. Поэты и их творческие судьбы – одна из доминантных тем Д. Андреева, запечатлевшего духовные облики собратьев по перу. Его мысли о роли создателя поэтического текста формируются посредством понятий «*вестничество*», «*пророчество*» и «*миссия*».

Понятие *«миссия»* употребляется Д. Андреевым: «для обозначения специальных заданий, поручаемых отдельной душе» [4, т. 3 с. 107]. Это специальное задание связано *с влиянием на судьбы целых народов и культур*, оно возлагает на своего носителя огромную ответственность, и, как видно по описанию Д. Андреева, душа может получить миссию только на очень высоком этапе своего развития. Из этого описания следует, что Д. Андреев отводит поэту или писателю огромную по своему значению роль и поднимает филологию на высочайший уровень.

Понятие *«вестник»* Андреев привязывает к людям искусства: это тот, кто, «дает людям почувствовать сквозь образы искусства высшую правду и свет, из миров иных» [5, т. 3, с. 332]. Д. Андреев последовательно отграничивает понятие *вестник* от близких ему понятий «*пророк*», «*талант»* и «*гений*». *Пророк* (чье задание аналогично заданию вестника) «может осуществлять свою миссию и другими путями – через устное проповедничество, через религиозную философию, даже через образ всей своей жизни» [6, т. 3 с. 332]. С другой стороны, деятельность *талантов* и *гениев* может быть «лишена одного из основных признаков вестничества: чувства,

что ими и через них говорит некая высшая, чем они сами, и вне их пребывающая инстанция» [7, т. 3 с. 332], а для Андреева, как справедливо заметил С. Джимбинов, художник обязательно «должен быть вестником иного, высшего мира, который сквозит, просматривается через земные черты и образы» [8, с. 109].

Таким образом, первоначальное, рабочее определение, предложенное Д. Андреевым, связывает понятие вестничества с понятием искусства, но искусства особого, становящегося непосредственным каналом связи между «миром горним» и «миром дольним».

Однако это определение, предложенное Д. Андреевым в начале книги о вестниках, выглядит слишком узким, поскольку далее автор начинает использовать понятие «*вестник*» в несколько ином смысле, чем это предусмотрено его собственной формулировкой. Так, например, он отмечает факт существования *темных вестников*, весьма далеких от искусства. *Темные вестники* «развенчивают и осмеивают духовность в истории, в искусстве, в религии, в жизни, в человеческой душе» [9, т. 3, с. 337]. Действуют они чаще всего в философии и науке. Если формально следовать предложенной выше Д. Андреевым системе понятий, правильнее было бы называть их *темными миссионерами* (Д. Андреев так поступает, например, по отношению к Наполеону Бонапарту). Однако Френсиса Бэкона, Карла Маркса, Фридриха Ницше он упорно продолжает называть *вестниками* и, очевидно, видит в этом какой-то глубокий смысл. С другой стороны, к числу вестников он иногда причисляет и людей, чья основная деятельность была связана не только с искусством, например М.В. Ломоносова. Все это в совокупности заставляет нас с большой осторожностью относиться к первоначальному определению вестничества, данного Д. Андреевым, и приводит нас к выводу о необходимости тщательно проанализировать и сам феномен вестничества, и его возможные формы.

Определение «вестничества» представляется двойственным. *Вестник* дает почувствовать «правду и свет». Это означает, что он может, *с одной* стороны, сообщать правду высших миров, или проповедовать идеи, внушенные силами Провидения, *с другой* – может создавать образы, которые, будучи мистически связаны с высшими слоями реальности, на эмоционально-образном уровне приобщают человека к восходящим мирам. *Вестник* может (и это в порядке вещей) не различать эти две стороны единой задачи, и *художник-вестник* обычно органически соединяет их. Однако двойственность этой задачи оборачивается тем, что вестник, как правило, все-таки делает акцент на какой-то одной ее стороне. Это приводит к тому, что для *вестника*, например, наиболее важным может стать именно ВЕСТЬ, распространение каких-то взглядов, которые, по словам З.Г. Минц, представляют собой «отождествление наиболее близкой к тайнам бытия философии с мифом, а мифа – с искусством» [10, с. 87]. И, напротив, вестник может концентрироваться на создании образов, которые сами по себе возвышают и поднимают человека, но при этом не формулируют отчетливо никакой идейной программы.

Предложенный Д. Андреевым в «Русских богах» анализ судьбы и миссий русских вестников демонстрирует эту двойственность. Характеристиками «первой группы» вестников наделяется, например, творчество А.С. Пушкина. Несмотря на то, что именно Пушкин впервые поставил вопрос о художнике как о вестнике высшей реальности в стихотворении «Пророк», Андреев убежден, что это было сделано «интуитивно» и имеется в виду образ, который В. Соловьев определил как образ «истинного поэта в его сущности и высшем призвании» [11, с. 417]. Тем не менее Андреев рассматривает Пушкина как поэта трагического, раздумывающего над вопросами, которыми живет русская литература до нашего времени. Сам факт существование Пушкина кажется Андрееву «важнее для русской поэзии, чем существование миллионов, пишущих плохие стихи» [12, с. 64]. В стихотворении «У памятника Пушкину» он называет поэта «царем» и «чародеем» [13, т. 1, с. 46]. В ходе анализа Андреев отмечал, что образы, созданные Пушкиным, не имеют прямого отношения к трансфизике и метаистории. Основная их цель, по мысли Андреева, в другом – в создании определенных настроений общества, углубление и прояснение сути окружающего мира, формировании представлений и пробуждении чувств, жизненно важных для метакультуры. Понять такую оценку несложно: у Пушкина нет той «резкой личностной субъективности, открытой раны страдания, которая влекла бы к себе Даниила Андреева» [14, с. 108].

Вторая группа вестников, к которой представляется возможным отнести М. Лермонтова и А. Блока, нацелена в первую очередь на выражение в своих произведениях отзвуков иной, высшей реальности, их основное задание – донести эту реальность до читателя и слушателя. По мнению Д. Андреева, если бы Лермонтов прожил дольше, он создал бы нечто более значительное, «Русского Фауста», например. А. Блоку посвящено не одно стихотворение в «Русских богах»: Д. Андрееву близки его мировосприятие и духовные идеалы. Описывая поэтику Блока, Андреев заостряет внимание на двух ее мотивах: романтическом («душистые мхи и дремучих болот колдовство, мгла легенд Гаэтана, скитанья и сны страстотерпца» [15, т. 1 с. 237]) и соци-

альном, теме «страшного мира» («хмурый город, каналы и вьюги и под снежным плащом притаившиеся мятежи» [16, т. 1, с. 237]). Сквозь внешний лик города ощутим «безумный полет… сквозь похмелье и лед к цитаделям его госпожи» [17, т. 1 с. 237]. А. Блоку, по словам Д. Андреева, была уготовлена великая миссия, и он бы внес несоразмерно больший вклад, если бы не произошло «падение вестника».

Группа *вестников,* к которой относятся М. Лермонтов и А. Блок, довольно редко насыщает свои произведения трансфизическими прозрениями, а если таковые встречаются, то являются, скорее, продуктом работы ума самого вестника. Именно такие вестники в состоянии донести до своего читателя через «магический кристалл» искусства видения иноматериального.

Вестники, чье творчество органично соединяет в себе и первый и второй элементы, являются наиболее яркими и заметными фигурами в культурно-историческом процессе. В данном случае, идеал творчества – гармония между «поэмой» и «художеством», идеей и формой ее воплощения. Настоящий поэт-вестник, по мнению Д. Андреева, не может удовлетвориться какой-либо одной ролью: «Ни в одной литературе не проявилось так ярко, глубоко и трагично, как в русской, ощущение того духовного факта, что вестнику *недостаточно быть великим художником*» [18, т. 3 с. 341]. А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов смогли бы достичь этого идеала, но их миссии были прерваны («Темен жребий русского поэта: / Неисповедимый рок ведет»[19, т. 2, с. 517]), а А. Блок изменил свое мировоззрение (об этом Андреев подробно говорит в главе «Падение вестника» [20, т. 3, с. 376]).

Судьбе русских поэтов посвящен поэтический цикл «Крест поэта». Андреев формулирует собственное понимание судьбы художника и настраивает читателя на определенное восприятие стихов этого сборника. Образы поэтов Андреев раскрывает, используя прием хронотопа, автор прямо говорит о конфликте поэта со временем: «Да, одно лишь сокровище есть / У поэта и у человека: / *Белой шпагой* скрестить свою честь / С *черным дулом* бесчестного века» [21, т. 2, с. 518]. Цикл остался незаконченным, в него вошли посвящения Рылееву, Грибоедову, Гумилеву, Хлебникову и Волошину.

В русской литературе и культуре Д. Андреев выделяет феномен вестничества как попытку выйти за грань поэзии – в метафизику и потусторонность, за грань творчества – в пророчество и мессианство. Те гении, что сумели сохранить верность «ведущей идеи жизни и не расточать энергию на жалобы» [22, с. 141–142] являются вестниками, выполнившими свою миссию. Общие законы существования этих поэтов и писателей, то есть сам путь духовидца, заключает в себе некие архетипические черты. Это жертвенность – «ноша подвига добровольного»; это исполнение своей миссии, невзирая на все мыслимые и немыслимые преграды; это преданность родной стране, глубочайшая к ней бескомпромиссная любовь, которая позволяет видеть и сильные, и слабые стороны национального характера, не только подъёмы, но и провалы самой истории Отечества.

В этой области метаописания исследователи обнаруживают тесную генетическую и типологическую связь наследия Андреева с русской и мировой классикой, что неоднократно отмечали исследователи, например М.Н. Эпштейн сравнил дар Д. Андреева с «дантовской мощью потусторонней фантазии» [23, с. 458]. «Русский Данте» Андреев сумел создать художественный мир, реализующий уникальные по содержанию откровения, которые позволили взглянуть на русских классиков и искусство с нового, неожиданного ракурса.

Ссылки:

1. Потебня А.А. Мысль и язык. М., 1999.
2. Штайн К.Э. Метапоэтика: «размытая» парадигма // Текст: Узоры ковра. Сборник статей научно-методического семинара «Textus». Вып. 4. Ч. 1: Общие проблемы исследования текста. СПб.; Ставрополь, 1999. С. 5–14.
3. Романов Б. Путешествие с Д. Андреевым: книга о поэте-вестнике. М., 2006.
4. Андреев Д.Л. // Андреев Д.Л. Собр. соч.: в 4 т. М., 2006.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Джимбинов С. Б. Пушкин в жизни и творчестве Даниила Андреева // Даниил Андреев в культуре XX века. М., 2000. С. 108–115.
9. Андреев, Д.Л. // Андреев Д.Л. Собр. соч.: в 4 т. М., 2006.
10. Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Бло-

References (transliterated):

1. Potebnya A.A. Mysl' i yazyk. M., 1999.
2. Shtayn K.E. Metapoetika: “razmytaya” paradigma // Tekst: Uzory kovra. Collection of articles of scientific and methodical seminar “Textus”. Vol. 4. Part 1: Obshchie problemy issledovaniya teksta. SPb.; Stavropol', 1999. P. 5–14.
3. Romanov B. Puteshestvie s D. Andreevym: kniga o poete-vestnike. M., 2006.
4. Andreev D.L. // Andreev D.L. Works in 4 vols. M., 2006.
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Dzhimbinov S. B. Pushkin v zhizni i tvorchestve Daniila Andreeva // Daniil Andreev v kul'ture XX veka. M., 2000. P. 108–115.
9. Andreev, D.L. // Andreev D.L. Works in 4 vols. M., 2006.
10. Mints Z.G. O nekotoryh «neomifologicheskih» tekstah v tvorchestve russkih simvolistov // Blokovskiy sbornik

ковский сборник III. Тарту, 1979. С. 76–119.
11. Соловьев В. Стихотворения. Эстетика. Критика. М., 1990.
12. Акимова А.Н. О творчестве на Земле и в мирах иных. Что говорят об этом философы и эзотерики. СПб., 2008.
13. Андреев Д.Л. // Андреев Д.Л. Собр. соч.: в 4 т. М., 2006.
14. Джимбинов С.Б. Пушкин в жизни и творчестве Даниила Андреева // Даниил Андреев в культуре XX века. М., 2000. С. 108–115.
15. Андреев Д. Л. // Андреев Д. Л. Собр. соч.: в 4 т. М., 2006.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Турбина Л. Даниил Андреев и Лев Гумилев – осуществление судьбы. Параллели и схождения // Даниил Андреев в культуре XX века. М., 2000. С. 140–143.
23. Эпштейн М.Н. Слово и молчание: метафизика русской литературы. М., 2006. С. 428–477.

III. Tartu, 1979. P. 76–119.
11. Solov'ev V. Stihotvoreniya. Estetika. Kritika. M., 1990.
12. Akimova A.N. O tvorchestve na Zemle i v mirah inyh. Chto govoryat ob etom filosofy i ezoteriki. SPb., 2008.
13. Andreev D.L. // Andreev D.L. Works in 4 vols. M., 2006.
14. Dzhimbinov S.B. Pushkin v zhizni i tvorchestve Daniila Andreeva // Daniil Andreev v kul'ture XX veka. M., 2000. P. 108–115.
15. Andreev D. L. // Andreev D. L. Works in 4 vols. M., 2006.
16. Ibid.
17. Ibid.
18. Ibid.
19. Ibid.
20. Ibid.
21. Ibid.
22. Turbina L. Daniil Andreev i Lev Gumilev – osushchestvlenie sud'by. Paralleli i shozhdeniya // Daniil Andreev v kul'ture XX veka. M., 2000. P. 140–143.
23. Epshteyn M.N. Slovo i molchanie: metafizika russkoy literatury. M., 2006. P. 428–477.